

УДК 81'24.161.1
DOI 10.20339/PhS.6-21.199

Л.П. Дианова, Н.В. Щенникова, Е.В. Полякова

Русский язык в речевой культуре студентов-билингвов: динамический анализ

Цель настоящей статьи — динамический анализ трансформаций, происходящих в речевой культуре студентов-билингвов постсоветского пространства. Русско-инонациональный билингвизм, согласно проведенному опросу, за десятилетие прошел определенную реконфигурацию. Предыдущие эксперименты убедительно доказывали, что русский язык является доминирующим в речевой культуре студентов-билингвов, что было обусловлено рядом эстралингвистических и лингвофункциональных факторов. Этнические языки в когнитивной структуре студентов занимали менее стабильную позицию и были коммуникативно ограничены даже в условиях микродискурсивного функционирования. Можно было с уверенностью говорить о том, что русский язык был доминирующим в речевой культуре студентов-билингвов. На сегодняшний день ситуация изменилась. Роль этнических языков сигнифицирована. Русский язык по-прежнему остается коммуникативной доминантой, обеспечивая базовые мотивационные потребности личности (в том числе потребность в обучении и формирование профессиональных компетенций), однако постепенно смещается из ядра в сторону периферийной зоны в когнитивной структуре. Это может свидетельствовать о том, что лингвоконструктивные функции в будущем могут быть утрачены, а новые, связанные с этнически первичным языком, пока не сформированы (с учетом непродолжительного исторического времени). В результате это может повлечь за собой явление массового семилингвизма.

Ключевые слова: билингвизм, русско-инонациональный билингвизм, речевая культура, социальный опрос.

The purpose of this article is a dynamic analysis of the transformations taking place in the speech culture of bilingual students of the post-Soviet space. Russian-foreign bilingualism, as our survey shows, has undergone a certain reconfiguration over the past decade. Previous experiments convincingly proved that the Russian language is dominant in the speech culture of bilingual students, which was due to a number of estralinguistic and linguistic-functional factors. Autochthonous languages in the cognitive structure of students occupied a less stable position and were communicatively limited even in conditions of microdiscursive functioning. It was safe to say that Russian was the core of the linguistic consciousness of bilingual students. Today the situation has changed. The role of autochthonous languages is signified. The Russian language still remains a communicative dominant, providing the basic communicative needs of the individual (including the need for training and the formation of professional competencies), however, it is gradually shifting from the core towards the center, which may indicate that linguo-constructive functions in the future may be lost, and new ones associated with the ethnically primary language have not yet been formed (taking into account the small historical time), which will entail the phenomenon of mass semilingualism.

Keywords: bilingualism, Russian-foreign bilingualism, speech culture, social survey.

Постсоветский социум, отличающийся гетерогенностью своего состава, характеризуется активными языковыми процессами, которые трансформируют наше представление о языковой личности индивида: она становится более комплексивной для анализа и описания. В условиях полиязычия и транскультурации модель языковой личности, предложенная Ю.Н. Карауловым [1], может быть уточнена, если мы имеем дело с носителем билингвального сознания. Прежде чем применять абстрактную схему, включающую в себя три уровня репрезентации (вербально-семантический, концептуальный, прагматический), следует учесть сосуществование двух или более языковых систем, наличествующих в речевой культуре билингвальной личности. Как пишет Е.Н. Кремер, «реалии советской общности актуализировали в основном двуязыковую самоидентификацию. Можно сказать, что у индивида были две языковые идентичности в силу жизненной необходимости владения государственным языком как обязательным условием социальной интеграции, полноценной социализации. Этническая идентичность билингва зависит от многих факторов, в частности от сформированного национального самосознания как служения своему народу «просвещенным ходатайством за него у других» [2. С. 16]. Как эта конфигурация влияет на ее выбор коммуникативного «формата» взаимодействия с внешним миром? Влияет ли это на ее языковую идентичность? Новое время предъявляет нам факты формирования новых лингвокультурных феноменов, отличающихся не только диффузностью, но и определенной дестабилизацией некогда доминирующего языкового ядра в сознании билингва. Предпринятое

десять лет назад исследование речевой культуры студентов-билингвов из стран СНГ [3] показало, что русский язык выступает доминирующим в их речевой культуре. Этому способствовали определенные экстралингвистические условия [4]. Однако с изменением языковой политики в странах бывшего СССР, интенсификацией процессов вернакулизации автохтонных языков и расширением их функционального диапазона ситуация изменилась. Прежняя языковая доминанта постепенно сместилась в сторону ближнего центра (если применить здесь когнитивную модель «ядро — центр — периферия»), в то время как новое ядро еще не сформировалось (это процесс более длительного исторического времени). При этом билингвизм остается по-прежнему наиболее витальной формой существования языковых коллективов на территории стран Содружества.

Как уже отмечалось, явление массового билингвизма на огромной территории постсоветского пространства детерминировано функционированием русского языка как государственного [3]. Русский язык доминировал в речевой культуре билингвов, выполняя ряд функций, обеспечивающих его витальность и коммуникативную мощность. Это не только базовые функции (коммуникативная, когнитивная, экспрессивная, метаязыковая), но и фатическая (контактоустанавливающая), конативная (функция усвоения), волюнтаривная, кумулятивная, транспортная. Языки с максимальным объемом общественных функций, по мнению Ю.Д. Дешериева [5], становятся языками международного и межнационального общения. Языки с минимальным объемом функций ограничены конкретными сферами употребления, обслуживая микроструктуры (семью, малочисленный социум).

Русский язык рубежа веков пережил немало существенных, драматических трансформаций. Сферы его применения сузились, что повлияло на функционирование русско-инонационального билингвизма, в котором заложен потенциал для русского языка как макропосредника. Как возникает двуязычие? Ответ на этот вопрос необходим современной социолингвистике для понимания тех сложных процессов, которые происходят на сегодняшний день в языке и социуме.

Как отмечает У. Вайнрайх, попеременное использование билингвами двух (или более) языков уже свидетельствует о наличии межъязыкового контакта [6]. Э. Хауген пишет, что к языковым контактам относятся и другие явления, среди которых двуязычие, конвергенция языков, субстраты, суперстраты, процессы интерференции, нативизации, диглоссии, сохранения и утраты языков и др. [7. С. 62]. Однако в науке еще нет устоявшегося понятия билингвизма, отличающегося универсальностью и четкой терминологической дифференцированностью. По мнению Э. Хаугена, билингвизм начинается тогда, когда индивид способен продуцировать семантически полнзначные высказывания на втором языке [Там же. С. 17]. Сторонники равновесного билингвизма, предполагающего равную степень владения двумя языками, выдвигают термин «амбилингвизм», суть которого заключается в одинаковом использовании обоих языков во всех сферах коммуникации, когда никакого влияния одного языка на другой не наблюдается [8. Р. 139]. Однако в практике реального двуязычия такие влияния неизбежны.

В нейролингвистике сложилось представление о том, что билингвальный мозг локализует два языка в разных полушариях: левое отвечает за функционирование первого языка, как правило доминирующего, правое — второго языка [9].

Языковое распределение может меняться в зависимости от уровня владения вторым языком, способов его усвоения и иных факторов. Как пишет современный исследователь Р.С. Сильва, холистическая точка зрения на билингвизм утверждает, что два языка сосуществуют в двуязычном сознании индивида одновременно. Это не две «моноязычные» системы в одном сознании, поскольку носитель этого сознания обладает уникальным специфическим языковым контекстом. Холистическое представление, настаивает Сильва, не согласуется с механизмом языковой транспортировки элементов из одной системы в другую [10. Р. 161].

Билингвизм всегда обусловлен ситуацией контактирования одного языка с другим. Русско-инонациональный билингвизм исследуется современными учеными с позиции лингвистики,

психолингвистики, социолингвистики и других смежных дисциплин, однако редко соотносится с идеей «евразийского языкового союза», выдвинутой Р. Якобсоном, или «русского языкового союза», предложенной О. Трубачевым. По мнению Трубачева, русский языковой союз как тип ареально исторической общности языков имеет протяженную историю со времен «старой России» [11].

Современные исследователи (Э.В. Хилханова, З.К. Дербишева, Н.К. Хан и др.) отмечают большое количество билингвов, в речевом репертуаре которых доминирует русский язык. Они установили прямую корреляцию между количеством функций языка и применением его в главных сферах жизни общества, обеспечиваемых функционированием всех коммуникативных стилей речи (разговорным, публицистическим, научным, художественным и официально-деловым). Общее число билингвов, типы и характер билингвизма, наличие билингвальной диглоссии, а также разработанность программ поддержки контактирующих языков относятся к важным условиям сохранения витальности языка.

Русский язык стал лингва франка за счет расширения понятия «русского мира» как цивилизации, консолидирующей этносы, нации, территории, религии, политические системы, идеологию в единый мир «русского слова» [12].

Попробуем описать комплекс вопросов, связанных с функционированием русского языка в речевой культуре студентов-билингвов, продолжая экспериментальную траекторию, заданную в работе «Русский язык в речевой культуре билингвов» [3]. Сначала проведем терминологическую дифференциацию понятия «русско-инонациональный билингвизм», которая является базовым в исследуемом концептуальном поле. Под ним понимаем такой коллективный билингвизм, при котором доминирующую функциональную позицию занимает русский язык. Нас будет интересовать позиция русского языка в речевой культуре студентов-билингвов Российского университета дружбы народов (РУДН). Опираясь на широкую методологическую базу в русле заявленной проблематики (труды В.М. Алпатов, В.Н. Белоусова, М. Джусупова, Л.Д. Дуличенко, М.И. Исаева, Т.П. Млечко, Ю.Е. Прохорова, Б.А. Серебренникова, Э.Д. Сулейменовой, А.В. Осинной, О.Б. Сиротининой, И.А. Стернина, М.Б. Амалбековой, У.М. Бахтикиреевой, Е.Н. Кремер), а также на результаты проведенного опроса, можно сделать некоторые важные предварительные выводы:

- этноязыковой ландшафт постсоветского социума имеет гетерогенную структуру и диффузный характер, объясняется это тем, что функционирование русского языка обеспечивается не только его носителями, но и билингвами;
- вариативные диглоссно-билингвальные сочетания («автохтонный разговорный — русский литературный» в речевой культуре студентов-билингвов) свидетельствуют о том, что русский по-прежнему остается безусловной культурной ценностью, но перестает быть доминирующим языком коммуникации, которая на современном этапе достигается и средствами родного языка. Однако репертуар этих средств, сферы их применения по-прежнему ограничены. Следовательно, билингвальная личность новой формации в определенном смысле семилингвальна, так как ни один из языков в своем арсенале не может использоваться на полную «коммуникативную мощь», т.е. на всех уровнях языка и во всех сферах его использования;
- получение российского образования студентами из стран Содружества по-прежнему способствует стабилизации количества говорящих на русском языке;
- русский язык остается единственным реальным языком международного, делового, научного и культурного сотрудничества на постсоветской территории.

Исследователи N. Del Maschio и S. Sulpizio отмечают, что двуязычие как феномен предлагает обширный материал для исследования взаимодействия между мозгом и поведением, а также роли факторов внешней среды, формирующих эти отношения. «Преыдушие исследования нейровизуализации в основном были сосредоточены на том, как двуязычие влияет на структуру мозга и как в конечном счете мозг приспособливает второй язык. Мы рассматриваем двуязычие как линзу, позволяющую с другой точки зрения понять поведение мозга. В контекстах, не связан-

ных с двуязычием, когнитивные способности в нескольких областях можно предсказать с помощью нейроанатомических вариантов, определенных пренатально и в значительной степени не восприимчивых к постнатальным изменениям. Новые открытия показывают, что двуязычие модулирует прогностическую роль этих вариантов в предметно-ориентированном познании» [13. Р. 505]. Таким образом, лингвоконструирующая функция доминирующего языка не вызывает сомнений. Однако какой язык является доминирующим в сознании современных студентов-билингвов, обучающихся в российских вузах?

На сегодняшний день привлекательность российского образования для иностранных студентов-билингвов обусловлена рядом факторов.

Во-первых, с точки зрения подхода к обучающемуся оно амбивалентно: гносеологическая функция традиционно сочетается с воспитательной. Педагог призван не только формировать у будущего специалиста ряд компетенций, которые позволили бы ему успешно интегрироваться в социально значимые проекты — он должен способствовать конструированию самой личности, главным качеством которой является преадаптивность. Преадаптивность — это умение предвосхищать события и мыслить категориями глобальных систем. Одно из важнейших умений нашего постоянно изменяющегося мира, «текучей современности», как определил это Зигмунд Бауман, — видеть в неопределенности новые возможности, а не угрозы. Владение русским языком в этом аспекте по-прежнему важно для успешной адаптации к инокультурному, в частности образовательному, и будущему профессиональному дискурсу. И хотя Россия, как отметила в своей работе «Война и мир языков и культур» С.Г. Тер-Минасова [14], является для иностранцев «страной неожиданностей», именно в этих «неожиданностях» заложен колоссальный образовательный потенциал: личность оказывается в ситуации сверхскоростных решений и формирования жизнеспособных стратегий для реализации стоящих перед ней задач. А это уже не пресловутая «ковка кадров», но качественно иной подход к формированию специалиста с богатым арсеналом навыков и гибкостью сознания, способного трансформировать мир. Би(поли)лингвизм в этом отношении становится ресурсной базой для интеграции в глобальные социумы, однако, подчеркнем, эта интеграция возможна лишь в случае наличия в когнитивной базе билингва стабильной языковой системы, которая могла бы направлять его би(поли)лингвальные возможности (по принципу аналогии) к коммуникативной развертке.

Приступая к изучению русского языка в РУДН, студенты-билингвы из стран СНГ (а также из стран дальнего зарубежья) обладают определенными пререквизитами. Они имеют представление о системно-структурных особенностях функционирования языка, уровнях владения им. К обучающимся, как правило, не предъявляются дополнительные требования, что, по всей вероятности, нецелесообразно, учитывая, какую роль русский язык играет в языковом репертуаре билингвов.

Распад СССР отразился на двух уровнях государственной системы — географическом и языковом. Второй более сложен, так как процесс языковой дифференциации (даже с учетом провозглашения государственных языков, вернакулизации титульных языков и др.) продолжается на постсоветском пространстве довольно интенсивно. Так, в Республике Казахстан, которая взяла курс на триязычие, проводится активная государственная политика в области расширения функциональной сферы казахского языка. Русский язык утратил статус государственного, однако продолжает обслуживать все уровни коммуникации и в городах-мегаполисах по-прежнему является языком межкультурной коммуникации и несомненным прагматическим преимуществом. Прагматические потребности, в том числе возможность получить престижное образование в России, ученые рассматривают как одну из основных мотиваций для изучения русского языка.

Перспективность российского образования, как уже говорилось, обеспечивает фактор стабилизации числа носителей русского языка за счет студентов-билингвов.

Этнически нерусские студенты-билингвы представляют собой тот социально-языковой стратум, формирование которого происходит в естественной лингвистической среде. Каждый регион

бывшего СССР отличается собственной спецификой и практикой билингвизма, но типологическая особенность всего ареала заключается в языковом контакте русского с другими национальными языками. Билингвизм на указанных территориях выступал одним из факторов национального филогенеза [15]. Естественность билингвизма стала логичной детерминантой его массовости.

Как правило, доминирование русского языка в речевой культуре билингов не стирало в них чувства идентификационной сопричастности к тому этносу, которому они принадлежат «по праву рождения» вне зависимости от уровня владения языком этого этноса. Ядро языкового сознания, как показало исследование авторов в 2011 г., заполнялось русским языком; автохтонный язык нередко уходил на периферию. При этом общественные функции контактирующих языков не могли быть равновесными: они перераспределялись в связи с обслуживанием различных сфер жизни общества. Поэтому симптоматично, что билингвы с доминирующим русским языком выражали мысли преимущественно на русском. При этом конструирование мысли также нередко происходило на русском, что не могло не ослабить роли автохтонного языка.

С целью получения новых данных проведено анкетирование студентов-билингвов РУДН. Было обработано 69 анкет, заполненных студентами из стран Содружества (Беларусь, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), и 2 анкеты из стран Балтии (Латвия — 1, Литва — 1). Всего 71 анкета.

Курс	I, II, III
Специальность	международные отношения, социология, государственное и муниципальное управление, искусства и гуманитарные науки, политология
Возраст	17–26 лет

Анкета содержала следующие вопросы (число респондентов указано напротив каждого вопроса)

1. На каком языке вы впервые начали говорить?

- а) на русском — 29;
- б) на родном — 30;
- в) на русском и родном — 12.

2. На каком языке вы учились в школе?

- а) на родном — 8;
- б) на русском — 40;
- в) на русском и родном — 23;
- г) на другом языке — 0.

3. На каком языке вы говорите дома?

- а) на русском — 27;
- б) на родном — 11;
- в) на русском и родном — 32;
- г) на родном и другом — 1 (из Молдовы).

4. На каком языке вы общаетесь в Москве?

- а) на русском — 52;
- б) на русском и родном — 19.

5. Как для себя вы определяете русский язык: родной, второй родной, иностранный?

- а) родной — 30;
- б) второй родной — 33;
- в) иностранный — 8.

6. Какой язык вы знаете лучше: русский или другой (иностраный)?

- а) русский как иностранный — 69;
- б) другой иностранный — 2 (из Болгарии).

Как видим, позиция русского языка несколько дестабилизирована. Если в предыдущем опросе респонденты отметили, что преимущественно не владеют этническим языком (70% опрошенных), что свидетельствует о диглоссно-билингвальных соотношениях языков и их неравновесном

распределении в когнитивной системе студента-билингва, то настоящий опрос предоставляет качественно иные данные.

Русский язык по-прежнему участвует в формировании языковой личности на ранних этапах ее становления (в семье), однако разделяет свой статус языка микросоциального общения с родным языком. При этом важнейший этап социализации (обучение в школе) по-прежнему происходит преимущественно на русском языке. Сфера ограниченной коммуникации (семья) функционирует на обоих языках. Общение за пределами семьи и государства (в широком коммуникативном контексте) осуществляется на русском языке или на русском и родном. Русский язык определили для себя как «родной» 30 респондентов; для 33 опрошенных он является «вторым родным», для 8 — «иностранным».

Процентное соотношение между русским языком и родным становится более равновесным, чем в предыдущие годы, однако количественно доминирующим, как видим, в нем становится уже родной язык, что говорит о смещении внутренней языковой парадигмы. Это может свидетельствовать о том, что родной язык активно используется в микродискурсах, однако по-прежнему не обеспечивает макродискурсы (такие, как обучение), которые реализуются русской языковой системой (в российских вузах на русском языке осуществляется не только межличностная коммуникация, но и формирование профессиональных компетенций, следовательно, кодификационные нормы языка, сферы его использования, речевой и жанровой репертуар студентами усваивается лучше, чем на родном языке, априори).

Таким образом, в речевой культуре студентов-билингвов русский по-прежнему занимает позицию доминирующего, однако более не расценивается ими как «родной» язык, что может со временем привести к утрате его лингвоконструирующих функций и, как следствие, к явлению семилингвизма. Вероятно, постепенно намечается процесс денативизации русского языка. Однако в образовательном контексте и в иной социокультурной реальности (на территории России) именно русский язык имеет больший функциональный вес. Студенты не только осуществляют коммуникацию преимущественно на русском языке, но и проходят на нем обучение по специальности. Следовательно, первичное формирование научного дискурса, базовые навыки самопрезентации на уровне официально-делового стиля, погружение в сферу публицистического стиля, сопряженного с тематическим диапазоном специальности происходит на русском. Формируются лингвопрофессиональные компетенции, которые в силу выбора страны обучения на автохтонном языке остаются неувоенными. Следовательно, репертуар функций, реализуемых родным языком, остается по-прежнему ограниченным. Будут ли эти функции впоследствии востребованы по закону аналогии с лингвоконструирующим языком и есть ли для этого предпосылки, покажет дальнейшая серия экспериментов с выбранной рецептивной группой. Остается сделать вывод о подвижности языковой системы как внутри индивидуальной когнитивной структуры, так и внутри определенных микроколлективов. Это перспективное направление в области лингвоконтактологии, в частности теории языковых контактов и билингвизма.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд-е 7. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
2. Кремер Е.Н. Проблемы русско-инонационального билингвизма (языковая и этническая идентичность билингвальной личности): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
3. Дианова Л.П. Русский язык в речевой культуре билингвов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 24 с.

References

1. Karaulov Ju.N. Russkii jazyk i iazykovaja lichnost'. Izd. 7. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2010. 264 s.
2. Kremer E.N. Problemy russko-inonacional'nogo bilingvizma (iazykovaia i etniceskaia identichnost' bilingval'noi lichnosti): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2010.
3. Dianova L.P. Russkii iazyk v rechevoi kul'ture bilingvov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2011. 24 s.

4. Бахтиреева У.М., Дианова Л.П. Проблемы речевой культуры студентов-билингвов российских вузов // Alma mater. Вестник высшей школы. 2011. № 2. С. 82–85.

5. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории. М.: URSS, 2019. 384 с.

6. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Зарубежная лингвистика. 1999. Вып. III. С. 7–42.

7. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. 1972. № 6. С. 17, 62.

8. Halliday M.A.K., Mackintosh A., Strevens P. The users and uses of language // Fishman J.A. Readings in the Sociology of Language. Mouton: The Hague, 1970. P. 139–169.

9. Иванов В.В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 7: Из истории науки. Кн. I. М.: Знак, 2010. С. 669–671.

10. Silva R.S. Pragmatics, bilingualism, and the native speaker // Language and Communication. 2000. No. 20 (2). P. 161–178.

11. Трубачев О.Н. Славяне: язык и история // Дружба народов. 1988. № 5. С. 243–249.

12. Никонов В.А. Не воспоминание о прошлом, а мечта о будущем // Смыслы к ценности Русского Мира: сб. ст. и материалов круглых столов, организованных фондом «Русский мир» / под ред. В. Никонова. М., 2010. С. 4–14.

13. Del Maschio N., Sulpizio S., Abutalebi J. Thinking outside the box: The brain-bilingualism relationship in the light of early neurobiological variability // Brain and Language. 2020. No. 2011. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0093934X20301383?via%3Dihub>

14. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008. 344 с.

15. Хугаев И.С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ: Ир, 2008. 559 с.

4. Bahtikireeva U.M., Dianova L.P. Problemy rechevoj kul'tury studentov-bilingvov rossiiskih vuzov // Alma mater. Vestnik vysshei shkoly. 2011. No. 2. S. 82–85.

5. Dasheriev Yu.D. Social'naia lingvistika: K osnovam obshhei teorii. Moscow: URSS, 2019. 384 s.

6. Weinreich U. Odnoiazychie i mnogoiazychie // Zarubezhnaia lingvistika. 1999. Vyp. III. S. 7–42.

7. Haugen E. Iazykovo kontakt // Novoe v lingvistike. 1972. No. 6. S. 17, 62.

8. Halliday M.A.K., Mackintosh A., Strevens P. The users and uses of language // Fishman J.A. Readings in the Sociology of Language. Mouton: The Hague, 1970. P. 139–169.

9. Ivanov V.V. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. 7: Iz istorii nauki. Kn. I. Moscow: Znak, 2010. S. 669–671.

10. Silva R.S. Pragmatics, bilingualism, and the native speaker // Language and Communication. 2000. No. 20 (2). P. 161–178.

11. Trubachev O.N. Slaviane: iazyk i istoriia // Druzhba narodov. 1988. No. 5. S. 243–249.

12. Nikonov V.A. Ne vospominanie o proshlom, a mechta o budushchem // Smysly k tsennosti Russkogo Mira: sb. st. i materialov kruglykh stolov, organizo-vannykh fondom "Russkii mir" / pod red. V. Nikonova. Moscow, 2010. S. 4–14.

13. Del Maschio N., Sulpizio S., Abutalebi J. Thinking outside the box: The brain-bilingualism relationship in the light of early neurobiological variability // Brain and Language. 2020. No. 2011. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0093934X20301383?via%3Dihub>

14. Ter-Minasova S.G. Voina i mir iazykov i kul'tur. Moscow: Slovo, 2008. 344 s.

15. Hugaev I.S. Genезis i razvitie russkoiazychnoi osetinskoi literatury. Vladikavkaz: Ir, 2008. 559 s.

Дианова Людмила Павловна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
для иностранных студентов
Московский государственный
институт международных отношений
Министерства иностранных дел
Российской Федерации

Dianova Lyudmila P.,
Candidate of Philology, Associate
Professor of the
Russian Language for Foreign Students
Department
Moscow State Institute of International
Relations of the
Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation

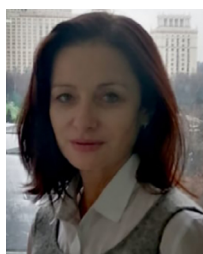
e-mail: ldianova56@mail.ru

Щенникова Нина Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Института русского языка
Российский университет дружбы
народов

Shchennikova Nina V.,
Candidate of Philology, Associate
Professor of the
Russian Language and Intercultural
Communication Department
Peoples' Friendship University of
Russia

e-mail: ninashenn@gmail.com

Полякова Елена Викторовна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и
методики его преподавания
Российский университет дружбы народов

Polyakova Elena V.,
Candidate of Philology, Associate Professor of the
Russian Language and its Teaching Methods Department
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: lelya2008-72@mail.ru

